

Эва Шартуп

Из Валга в США

Перевод с английского Рут Брашинской.

Я родилась 16 октября 1910 г. в Валге, Эстония, в маленьком городке недалеко от Балтийского моря. В городке жили не больше 20 тысяч человек и среди них – около 25 еврейских семей. У нас была одна синагога и один кинотеатр.

Нас было семеро детей в семье – 4 мальчика и 3 девочки. Я была младшей девочкой и вторым младшим ребенком в семье. Наш дом был очень счастливым, - всегда много смеха. С нами жила бабушка, мать отца. Я очень живо помню, как ходила за ней повсюду, держась за подол ее юбки. Я очень ее любила и, похоже, была и ее любимицей. Она называла меня «чернушкой», и это очень сердило меня. Я помню, что спросила бабушку, почему она меня так называет. Она объяснила с любовью: «Дурочка, разве ты не знаешь, что самые сладкие вишни – это черные?» Так что я чувствовала к ней особую любовь. Иногда я забиралась к ней в кровать. Однажды случилась беда, я описалась и очень плакала от стыда. Я была ее mazunick; она обняла меня и стала успокаивать: «Все хорошо».

У нас был большой дом: гостиная и столовая находились рядом. Я помню софу изящной резьбы и мамину красивую посуду. Мама пекла халу и картофельную бабку в печке. Другая большая дровяная печка обогревала дом. На плите готовили еду. Мы жили в этом доме, пока мне не исполнилось 6 лет. Около нашего дома протекал ручей. Нам пришлось переехать, потому что в один прекрасный день этот ручей стал границей, разделявшей город на две части. Одна часть отошла к Эстонии, а другая – к Латвии, что-то похожее на западную и восточную Германию. Валга и городом-то фактически не была, но они ее все равно разделили. Отец хотел, чтобы мы стали эстонцами, поэтому наша семья переехала на другое место. Это произошло после Первой мировой войны, когда Эстония и Латвия стали независимыми странами.

Я уже упоминала, что наш дом был рядом с ручьем, не с рекой, но весной начиналось веселье. Я босиком заходила в воду и ловила головастиков. Я всегда думала, что это маленькие рыбки, но когда стала старше, узнала, что это были маленькие лягушки. Когда таял снег, ручей разливался, и наш двор стоял в воде почти на полметра. Мы высоко задирали юбки, потому что вода почти достигала колен. Это всегда очень радовало нас подростков, т.к. позволяло выносить большие тазы, садиться в них и плавать вокруг. К сожалению, мои дети и внуки никогда не узнают, как мы веселились в детстве. Летом мы обычно ходили в лес за черникой и грибами. Мама часто водила нас летом плавать на речку. Но однажды я чуть не утонула, поэтому плавать научилась только когда стала взрослой.

Папа владел кошерной мясной лавкой. У него была коптильня, где коптили гусей, салями, баранину и языки. Этим обычно занимались зимой. Я вспоминаю о тех днях, когда папа вынимал салями из коптильни, чтобы попробовать, готова ли она; теплый жир стекал по моим пальцам – слюнки текут. Это было время, когда многие дети голодали, но мы были очень счастливые, у нас все было. Бизнес отца был очень успешным, вдобавок к лавке он занимался покупкой скота и оптовой продажей его другим лавкам.

Мама нанимала людей убирать дом, стирать и гладить. Имея семерых детей, ей хватало дел с готовкой и шитьем. У моей старшей сестры Сары, мы звали ее Тутси, в детстве была эпилепсия, и учеба ей не давалась. Она училась в школе недолго, и стала помогать маме в домашних делах. Моей единственной обязанностью перед субботой было вытереть пыль с цветов. Я очень любила родителей, но свою привязанность умела показывать больше маме, чем папе. Я помню, когда мама чувствовала себя плохо, я сидела у ее кровати и смотрела на нее. Она была очень красивая, миниатюрная, с темными глазами и смуглым лицом. Папа был высоким и красивым, с синими глазами и светлыми волосами. Он носил бородку, которая всегда была аккуратно подстрижена. Мои родители были очень счастливой парой; никто из них не произносил никогда плохого слова.

Я в детстве никогда не играла с куклами, палка да прут были моими любимыми предметами на улице. Когда я доросла до коньков – первая замерзшая лужа была моей. Зимы у нас были холодными, снежными, как я это любила! Я ложилась на снег, валялась, кувыркалась, пыталась померить свой рост или махала руками по снегу, как ангел крыльями. Я не помню, чтобы когда-нибудь простужалась.

В школе я училась нравились языки и математика, потому что я отка-хотя они мне были нужны. разглядеть буквы на картах. 2 классе, учительница решить пример $2+2+1$, что-ответила правильно, и меня как-то наградить. Она часть классной комнаты, наты на 50-60 учеников, где угостила меня конфетой и сказала, как она мной гордится и какая я умная. Я огляделась и увидела на стене красивый портрет царя. Это было после революции, и ей не стоило бы вешать этот портрет. Такие вещи я запомнила.

хорошо, особенно мне матика. Географию я не зывалась носить очки, Мне было трудно Когда я была в 1 или во вызвала меня к доске то в этом роде. Я учительница решила отвела меня в заднюю очень большой ком-она жила. Там она

Как я говорила, папа покупал скот, часть которого продавал, часть забивали для нужд его мясной лавки. Когда мне было 4 или 5 лет, папа помог при окоте овцы. Он занес ягненка в дом, чтобы показать нам: это было самое милое существо, какое я когда-либо видела, и я этого никогда не забуду. После того, как ягненка отнесли обратно к его маме, мы взяли обещание с нашего отца, что этого ягненка не забьют. Но мы дали разрешение продать его. Очень радостно было наблюдать за тем, как вылупляются цыплята, как рождаются домашние животные, и это запомнилось надолго. У нас также была такса, которая дожила до старости. Когда она умерла, отец похоронил ее в лесу. Другой собаки у нас никогда больше не было, так мы любили старую.

Мы жили не на ферме, но у нас был большой двор, которым пользовались еще несколько семей. В дополнение к нашему большому дому и коптильне, у нас был сарай, где жили куры и папин огромный серый в яблоках конь. Мы звали его Шиммель. Я его боялась, но мои братья ездили на нем на речку купаться... Иногда мама заносила в дом маленькие пушистые желтые комочки только что вылупившихся цыплят, чтобы они побыли в тепле.

В зимние месяцы папа иногда баловал нас, когда запрягал Шиммеля в сани. Было холодно, но мы были тепло одеты, и ноги заворачивали в одеяла. К упряжи коня были приделаны колокольчики, и мы наслаждались их звоном, когда проезжали по городу. В сани помещались 4-5 человек, но этот большой конь легко тащил всех нас. Коня держали в сарае, но я боялась близко подходить к нему.

Однажды во время Пейсаха папа пошел в синагогу, мой младший брат Лейбе, сестра Берта и я забрались на чердак в сарае и залезли в бочку с яблоками. Это было большим удовольствием вдыхать аромат и наслаждаться вкусом зимних яблок.

В нашем доме на втором этаже было 3 спальни, однако, ими пользовались только весной и летом, т.к. зимой спать в них было слишком холодно. Печка обогревала только нижний этаж, вот там вся семья и спала, поставив перегородки, разделявшие спальные места. Дом освещался керосиновыми лампами, но я помню очень хорошо, когда провели электричество. Что за волнение охватило всех, когда это случилось! Оно использовалось только для освещения и считалось большой роскошью. Помню, я была еще маленькой, мой брат Моррис давал мне зажженную свечку и просил подержать, пока он сходит в туалет. Я стою со свечкой, а он сидит на троне! У нас не было телефона или автомашины, кажется всего две семьи в нашем городе владели машинами. Я помню, как папа рассказывал, что несколько лет назад он отдолжил денег одному человеку для бизнеса, и тот разбогател. Он как раз и был владельцем одной из машин. Его звали Иосель Шейн, а другим владельцем машины был дядя моей подруги Ханы Шамес. Ее дядя, торговавший тряпьем, стал очень богатым.

В городе был красивый парк, несколько раз в неделю там играла музыка, а для детей было где играть в прятки на радость всем. Лето у нас было короткое, нежаркое, и рано наступала осень. Зимы казались мне самыми веселыми. Я не могла дождаться, когда пообедаю после школы, чтобы можно было бежать кататься на коньках. Рано темнело, но я никогда не боялась возвращаться домой одна. Когда я доходила до нашего большого двора, я начинала громко петь, чтобы показать свою смелость. Я думала, если люди услышат, что я иду, никто меня не обидит. Я пела, пока не доходила до нашей двери. Я наслаждалась своим детством.

По субботам к чаю у нас обычно бывали гости. Одна дама всегда приходила в черной вельветовой пелерине, обшитой по краю разноцветным бисером. Мне было 4 или 5 лет, я была очарована бусинками. Пока дама пила чай, я сидела на полу, и вся моя жизнь была сосредоточена на этих бусинках, которые я по одной методично отрывала. Я сомневаюсь, что дама заметила мое озорство, т.к. после этого много раз приходила к нам снова. Я помню, мама рассказывала мне, что эта дама была клептоманкой, она воровала рыбу на рынке. Один раз продавец на рынке поймал ее в тот момент, когда она клала рыбу в свою сумку. Я не помню ее имени и буду называть ее «рыбная дама». Удивительно, как я помню все эти маленькие детали.

В Пейсах на седере было так красиво, с новой посудой и начищенными подсвечниками. Я так и вижу папу, откинувшегося на подушки, читающего Хагаду. Была праздничная еда, особенно я помню гусиные «грибенес» (лук в растопленном гусином жире), намазанные на мацу, с солью.

Родители Леа и Хершел Шартуп

Школа давалась мне легко, поэтому занималась я мало. У нас был выбор пойти в русскую или немецкую школу. Я выбрала немецкую.

Однажды, когда я возвращалась домой из школы, я услышала разговор двух мальчишек, шедших за мной. Они говорили об «Ициках и Юдиках», всякие слова о евреях. Я обернулась и без колебаний изо всех сил ударила одного из мальчишек по щеке. Когда я пришла домой, я рассказала об этом маме. Директор вызвал маму в школу, и она рассказала ему, почему я ударила мальчика. Меня не наказали, и я никогда ничего не боялась. Когда я что-то задумывала, я это делала. Я была смелой и всегда знала, чего хотела.

В возрасте 11-12 лет подростки собирались, чтобы поговорить о Палестине. Они говорили, а я слушала, как старшие подростки строили планы совершить алию. Это звучало здорово, так что когда я вернулась домой с одного из таких собраний, я объявила папе, что поеду в Палестину. Он посмотрел на меня и очень серьезно сказал: «Сначала ты закончишь школу».

Однажды папа попросил меня собрать деньги с тех клиентов, которые покупали у него мясо в кредит. Я очень живо помню этот случай. Один клиент, у которого был галантерейный бизнес, и дела которого шли неплохо, отказался платить. Его жена сказала, что она не может заплатить. Я очень вежливо ответила ей, что мой папа уезжает из города по делам, и мне нужны деньги, чтобы заплатить завтра за школу, что было правдой. Все же она отказывалась платить. Я сказала: «Мне нужны деньги, или завтра я не смогу пойти в школу!» Она опять: «Я не могу дать тебе деньги». С меня было довольно! Я сказала ей по-еврейски: «Ты все съела, и у тебя был хороший стул, и все же ты не хочешь платить!» Она едва дала мне договорить, сказав: «Убирайся отсюда!» Я ушла и хорошо посмеялась, но я была сердита. Что мне было делать? Когда я вернулась домой, я все рассказала маме. Она сказала, что я не должна была так говорить; а я все повторяла... «но мама, разве я была не права?»

Моей закадычной подругой в школе была Ханна; она была веселой и игривой. Мне же больше нравилось отлупить парня, чем флиртовать с ним. Однажды весной мы с Ханной готовили уроки у нас дома на втором этаже. На подоконнике стояли красивые часы, которые мой брат Чарли привез из Москвы. Моя подруга свесилась с подоконника и заигрывала с соседскими мальчишками. К несчастью, часы упали с подоконника на тротуар и разбились на мелкие кусочки. Я побежала вниз, собрала все осколки,

завернула их в бумагу и выбросила. Я спросила Ханну: «Что мне делать, когда меня спросят, что случилось с часами?» Она сказала: «Если ты скажешь, что это сделала я, я скажу, что ты». Поэтому я решила держать это в секрете. Мне было только 12 лет, но я не могла пойти к маме и рассказать, что случилась на самом деле. Она иногда спрашивала, куда пропали часы и, в конце концов, решила, что их украли. Мы с Ханной были одногодками, но по характеру были очень разными. Она была очень хорошенькая, но капризная. Я была серьезнее, умнее и почти взрослой. Вскоре Ханна и ее брат Вольфка (в Америке его звали Вилли) при помощи тетки из Филадельфии уехали в Америку.

Мои братья обращались со мной как с маленькой женщиной. На танцах они всегда танцевали со мной. Чарли и Моррис всегда меня сопровождали, и мы танцевали весь вечер. В конце одного мероприятия я шла впереди своих братьев, и около выхода стояли двое высоких парней, один из которых провел рукой по моей груди. В свои 13 лет я была физически очень развита и возмутилась тем, что меня тронули. Я размахнулась и влепила ему пощечину. Мои братья отстали и не могли понять, что случилось. Они хотели знать, чего это я дерусь с этими парнями. Когда они добрались до меня, я объяснила, что случилось, и они здорово посмеялись.

В школе я изучала французский язык, но потом пришлось его бросить, потому что у нас было соглашение с Великобританией, и вместо французского нас стали обучать английскому языку. Со школьных лет я учила русский, немецкий, французский и английский языки. Мы также поверхностно познакомились и с языками соседних с нами стран. У меня были еще дважды в неделю частные уроки английского.

Однажды, когда я пришла на урок, у дверей меня встретила сестра моей учительницы. Она сказала: «Пойдем наверх». Моей учительницей была очень красивая женщина с длинными косами, уложенными вокруг головы короной. И она лежала на полу, мертвая. Ее сестра сказала мне, что моя учительница чистила револьвер и нечаянно застрелилась. Я подложила свою руку под ее голову – она была еще теплой. Так я впервые увидела мертвого человека. Это было ужасно, и когда я вернулась домой, я долго плакала.

К этому времени мой брат Моррис уехал в Бруклин, и мне тоже не терпелось уехать из дома. Я сказала маме, что когда я уеду в Америку, я устрою так, чтобы они все приехали тоже, и я встречу их с экипажем, который будут везти 6 белых лошадей с колокольчиками. Я была мечтательницей, и для меня ехать в экипаже – была большая честь. Я ничего не знала о жизни в большом городе, о машинах, о Нью-Йорке.

Миграция населения в другие страны была довольно обычным делом. Люди уезжали по разным причинам. Мой дедушка по папиной линии служил в царской армии; я никогда его не видела. У него был брат, который исчез, и никто никогда о нем не слышал. Семья считала, что он мог уехать в Южную Америку или Австралию, чтобы избежать призыва в армию. У папы также была замужняя сестра Ханна. После смерти мужа она с сыном уехала в Нью-Йорк.

Мой другой дедушка, отец мамы, тоже служил 25 лет в царской армии. Я не помню, чтобы я его когда-нибудь видела. Бабушка, мамина мама, погибла под повозкой задолго до моего рождения. У мамы было 2 сестры и брат. Ее старшая сестра тетя Рэйзл жила в Валге. Младшая сестра тетя Етта уехала в Нью-Йорк очень молодой, так же как и ее брат Харри Липсон с женой Анни. Еще один их младший брат умер, когда я была совсем маленькой.

Мой старший брат Теви был высоким темноволосым красавцем. Он был хорошим спортсменом и конькобежцем. Когда он был ребенком, у него

однажды поднялась очень высокая температура. Мама сказала, что у него одновременно лезли много зубов. Теперь, однако, мы знаем, что это не вызывает высокой температуры. Скорее всего, у него был какой-то вирус. К сожалению, он совершенно потерял слух и молодым человеком посещал специальные школы для глухих, чтобы научиться языку жестов. Он мог говорить, но речь его звучала странно, и его было трудно понять. Он уехал в другой город подростком, и я не очень часто виделась с ним. Теви женился на не еврейке, которая тоже родилась с нормальным слухом, но, как и Теви, потеряла его из-за болезни. У них был ребенок с нормальным слухом. Только мама ездила повидаться с ними. Мне рассказали очень печальную историю о моем брате и его семейной жизни. У его жены были бездетные родственники в Южной Америке. Когда они приехали с визитом, жена брата отдала им своего ребенка. Она хотела, чтобы ребенка увезли в Южную Америку, и чтобы он рос с родителями, которые могли говорить и слышать. Когда мой брат узнал о том, что сделала его жена, он был убит горем и ушел от нее. Наша семья больше никогда не слышала об этом ребенке.

Мой брат Чарли ездил по городам, покупая и продавая парфюмерию и белье. Бывали моменты (тогда он был еще молодым человеком), когда папе приходилось выкупать его, потому что кое-какие вещи, которые он покупал, считались в нашей стране контрабандой.

Мой брат Моррис до своего отъезда в Америку работал с папой в мясной лавке. Мой брат Лейби был еще подростком, как я уже упоминала, самый младший из семи.

Однажды, когда мне было 14 лет, я сидела в парке со своей сестрой Бертой и рассказывала ей о своей мечте поехать в большой город и стать актрисой. Я всегда была большой мечтательницей и фантазеркой. Берта, которой тогда было 16 лет, сказала мне – чтобы добиться успеха в этом деле, мне придется сначала продаться: «Тебе надо будет продавать свое тело». В то время я не понимала, что это значит. Я сказала: «Что ты имеешь в виду? Я могу делать все, что хочу». Она заметила: «О, да, но если ты хочешь быть успешной в этом мире, тебе придется делать много не очень хороших вещей, так что ты лучше подумай об этом». Она была очень мудрой, моя сестра. Мы были очень близки, и я могла говорить с ней обо всем.

Наконец настал день, когда я, помню, сказала маме: «Знаешь, мама, мне кажется, что это место мало для меня. Я чувствую, что мне хочется расправить крылья и полететь. Я не хочу провести остаток своей жизни в маленьком городке». Мама была в шоке, когда я это говорила.

В то время мой брат Моррис уже уехал в Нью-Йорк. На самом деле, поехать должен был мой брат Чарли, но у него была трахома, и его бы не пустили в США с этим заболеванием.

Когда Моррис приехал в Бруклин, он остановился у нашей тети Етты, которая была замужем за Сэмом Паритски. В Нью-Йорке жил также мамин брат дядя Харри Липсон со своей женой Анни. У них было двое детей, мои кузины Бесси и Дори. Там были еще другие люди из нашего города, иммигрировавшие в Нью-Йорк, так что я настаивала на своем желании поехать в Америку. Я сказала родителям, что не буду поступать в университет. Я должна поехать в большой город. Мы написали моему брату Моррису и дяде, попросили его быть моим спонсором. Однако, для иммигрантов из Эстонии существовала квота на въезд в США, поэтому мне надо было ждать въездную визу.

Мне было 15 лет, когда я сказала родителям, что больше учиться не буду. Я знала, что мне придется ждать мои документы. Я чувствовала необходимость доказать моим родителям и себе, что я способна сама позаботиться о себе, и я решила настоять, чтобы они разрешили мне поехать в Таллинн.

Там жила моя кузина Берта, младшая дочь тети Рэйзл. Берта была замужем, и в то время у нее было двое детей. Я побыла там какое-то время, а потом почувствовала, что надо переехать, т.к. мне не хватало свободы. После 3-4 недель у меня закончились деньги, и надо было искать работу.

Я дошла почти до окраины города и, к счастью, обнаружила ниточную фабрику. Набравшись смелости, я вошла и спросила, нет ли у них работы для меня. Меня стали спрашивать, смогу ли я заметить, не запутываются ли нитки в машине. Когда шпульки полностью наматывались, машину надо было остановить, а шпульки вынуть,

Это была моя первая работа. Следующим делом было переехать из дома моей кузины. Она посоветовала еврейскую семью, которая согласилась поселить меня у них за небольшую плату. Они дали мне раскладушку, в которой, как я помню, были клопы; ночью я проснулась от того, что вся чесалась. Мне заплатили за работу не сразу, и у меня кончились деньги. Я купила черного хлеба, посыпала его сахаром, и это была моя еда в течение нескольких дней. В Таллинн приехал Бенни Штейнерт, который потом стал моим кузеном, и он пригласил меня поужинать. Впервые за долгое время я

по-настоящему поела. Я стала думать, как долго я смогу продержаться. Я боялась признаться родителям, что у меня кончились деньги. Было нелегко, но, в конце концов, мне стали регулярно платить за работу, и я смогла жить самостоятельно.

Наконец пришло письмо от моих родителей с сообщением о том, что в американском консульстве готова моя въездная виза в США. Эта новость пришла через 6 или 7 месяцев после того, как я уехала из дома. Поверьте мне, я быстро собрала свои пожитки и поторопилась домой. Я так и не рассказала своим родителям, как я жила. Они были бы в шоке.

Вскоре мама начала готовить мои вещи к поездке. Я помню, как-то днем в субботу, та же самая дама, у которой я срывала бусинки с пелерины, сказала маме: «Постой! Ты собираешься отпустить в Америку такую молодую девочку одну? Песя-Лея, как ты можешь?» Я была в другой комнате, но все слышала. Вбежав к ним, я сказала: «Мама, не волнуйся. Если бы я хотела, я могла бы быть плохой прямо здесь, в этом городе, и если я хочу быть хорошей, я могу быть такой и среди цыган». Мама посмотрела на меня, поняла и была уверена, что я буду знать, как надо жить и как вести себя.

Приготовления продолжались. Мама сшила мне красивое коричневое шерстяное платье со вставкой из вышитого египетского хлопка. Мне купили черные шелковые чулки и лакированные черные туфли. У меня было симпатичное батистовое белье. Мама всегда умела шить, и поэтому у меня был красивый гардероб. Время моего отъезда за границу приближалось. Подготовка заняла несколько месяцев, а мне было 15 с половиной лет. Но существовал большой вопрос, что Моррис будет делать со мной, когда я приеду. Ему надо будет послать меня в школу до исполнения мне 16 лет. Что ж, в маленьком городе дела решались... Папа взял бутылку вина и сумел получить свидетельство о рождении, согласно которому мне было больше 16 лет.

Родители устроили мне прощальную вечеринку, которая походила на свадьбу. До отъезда я прощалась со многими друзьями, а один мой обожатель подарил мне коробку шоколада. Мне он абсолютно не нравился, мне было только 15 с половиной, а ему – 26 или 27 лет. Я взяла шоколад с собой в дорогу, т.к. коробка была очень красивая. Выяснилось, что он был братом моей свояченицы Фриды, жены моего брата Чарли. Чарли подарил мне бумажник с его монограммой. Я помню, до отъезда мама сказала мне: «Я хотела бы подсмотреть через замочную скважину, какой прием тебе устроит

тетя Етта, моя сестра». Ее сестра была в Америке много лет, и мама думала, что ее сестра поведет себя так же, как повела бы себя мама. Но этого не случилось. Я никогда не видела тетю Етту; она со своим братом дядей Харри уехала с родины до моего рождения.

Поездка в Америку и встреча с Фредом

Я была такая храбрая; я не проронила ни слезинки... Я не могла показать моим родителям, как была опечалена тем, что покидаю их. На следующий день они отвезли меня на железнодорожную станцию. Я поцеловала маму, папу, но когда пришло время попрощаться с бабушкой, я расплакалась. Она взяла мое лицо в свои руки, посмотрела прямо в мои глаза и сказала: «Не плачь, дитя, это твое время, это теперь твоя жизнь».

Первой остановкой была Рига, Латвия. Я сошла с поезда и прогулялась мимо магазина со сладостями. Перед магазином стояли бочки с товарами, в том числе и с халвой. Я купила фунт халвы и ела, и ела, пока мне не стало плохо, и я выбросила остатки. На следующем поезде я уехала в порт... похоже, все это случилось в один день, потому что я не помню, чтобы я где-то ночевала.

В порту (Либава) я села на пассажирский пароход «Аскания». Он не считался большим (водоизмещением 15-20 тыс. тонн), но для меня – так много пассажиров, поднимающихся на борт парохода и тот факт, что я впервые ступила ногой на такой корабль – он казался огромным.

На пароходе я встретилась с дамой, каюта которой была рядом с моей. У нее было двое детей, мальчик и девочка, 4 и 6 лет. Эта дама плыла в Нью-Йорк к своему мужу. К сожалению, она страдала морской болезнью с самого начала плавания. Я предложила отвести ее детей на завтрак и после поиграть с ними в мяч на палубе. Это дало мне возможность чем-нибудь заняться, а ей – полежать в кровати. Бедная, она не могла поднять голову с подушки.

Пароход причалил в Шербруке, чтобы принять пассажиров из Франции, Польши, Чехословакии, отовсюду.

На следующий день я снова взяла детей на палубу поиграть в мяч. Я побежала за мячом и когда нагнулась, чтобы схватить его, мои глаза

остановились на молодом человеке, который был на коленях в попытке поймать этот мяч. Мы посмотрели друг на друга, и оба стали смеяться. Он спросил, говорю ли я по-немецки, и так мы начали разговор на языке, который оба знали. У него были синие глаза, хороший цвет лица и волнистые коричневые волосы. Мне он казался очень красивым, но я была уверена, что он не еврей. Я спросила, не еврей ли он, и он ответил утвердительно. Я думала, что я поступила умно, спросив его, может ли он говорить на идиш. Я, наверное, была наивной, потому что я сказала: «Какой ты еврей, если не знаешь своего языка!» Он сказал, что может говорить на многих языках, но дома они говорили по-чешски, обучение в школе было на немецком (как и у меня), но в семье никогда не говорили на идиш. Я сказала, что это очень странно. Он мне ответил по-немецки: «Я чистых кровей еврей». Я поверила ему. Пароход пришвартовался в Саутгемптоне подобрать пассажиров, собирающихся пересечь Атлантический океан. Молодого человека звали Фред Резек, как он представился мне, и он был из маленького городка недалеко от Праги. Ежедневно он пытался увидаться со мной. Он спрашивал, почему я уехала из дома такой молодой. Ему было 23 года, а мне – 15 с половиной. Я сказала: «Я думаю, что у меня страсть к путешествиям». Похоже, что нас обоих тянуло к перемене мест и новым впечатлениям... страсть к путешествиям не вполне правильное определение..., но мы оба чувствовали одинаково.

Он был на пути в Галифакс. Единственным способом попасть в то время в Канаду было – обзаться отработать 6 или 8 месяцев на ферме. Я спросила, как получилось, что он едет фермером, и он сказал, что он хотел поехать в Америку, но не смог получить визу, поэтому решил поехать в Канаду. Он рассказал мне о своих прошлых авантюрных приключениях с двумя друзьями из Чехословакии. Они придумали поехать в Мексику, а оттуда втроем переплыть реку Рио Гранде и пересечь границу Америки.

Для того, чтобы попасть к реке, надо было пересечь пустыню. После многодневного перехода все очень страдали от жажды. Увидев первую болотистую лужу, они бросились в нее и стали пить, несмотря на то, что вода была грязная и мутная.

После долгого перехода они дошли, наконец, до Рио Гранде. Один из парней не умел плавать, поэтому другой взвалил себе на спину все его пожитки. Фред, который был прекрасным пловцом и атлетом, взял на свою спину не умеющего плавать друга. Он переплыл реку (отсюда пошел термин “wetbacks” – так называли нелегалов, пробиравшихся в Америку из Мексики через Рио Гранде).

К сожалению, на другом берегу реки их ожидала полиция. Все трое были задержаны и отправлены обратно в Прагу. В качестве оплаты за обратный проезд в Чехословакию им пришлось всю дорогу работать кочегарами на пароходе. Он побыл дома около двух недель, собрал кое-какие вещи и немного денег и решил отправиться в Канаду.

Он, так же как и я, хотел повидать мир. Может быть, его привлек мой рассказ о жизни в Таллинне, мое желание путешествовать, попасть в Америку и повидать мир.

На борту «Аскании» Фред видел меня каждый день. Мы разговаривали, и однажды я принесла коробку шоколада, подаренную мне в день отъезда. Он взял коробку и написал на крышке по-английски «я тебя люблю». Я могла читать по-английски и, видимо, покраснела, когда прочла. Он спросил, где я буду жить в Нью-Йорке, и я рассказала о своем брате Моррисе и тете. Я дала ему адрес моей тети Паритски.

Когда мы пришвартовались в Галифаксе, Фред дал мне письмо. Я не могла представить, зачем он дал мне письмо. Я пошла к себе в каюту и прочла его. Я читала его снова и снова, и снова. Он написал, что он однажды придет в Нью-Йорк. Чтобы я была терпелива, потому что он обожает меня и хочет, чтобы я в будущем стала его женой.

У меня закружилась голова, я не знала, что и как думать и чувствовать. Последней ночью перед приходом в Галифакс он поцеловал меня в голову. Он знал, что я очень молодая, и не хотел подавлять меня поцелуем в губы. Прочитав письмо, я побежала наверх, на палубу. Люди сходили с парохода. Я всюду искала его глазами... потом обернулась, и мы увидели друг друга... он помахал мне и послал прощальный воздушный поцелуй. Я тоже помахала ему, почувствовала себя как в бреду и необыкновенно счастливой.